

А.П. Марюхин

Институт языкознания РАН, Москва

«Hedging (Hecke)» – новая семантическая категория?

Аннотация: Данная статья вводит читателя в краткий экскурс одного из современных лингвистических течений – «hedging (Hecke)» и преследует ряд важных методологических принципов по определению понятия непрямого общения в пестром многообразии схожих явлений.

This article gives a brief overview of one of the contemporary linguistic processes – «hedging (Hecke)» and pursues a number of important methodological principles for definition of the concept of indirect communication in a large variety of similar phenomena.

Ключевые слова: hedging (Hecke), непрямотообщение, прототипы.

О своеобразии коммуникативных действий говорилось давно. Многие писали и исследовали. Однако следует учесть то, что само действие может носить разнонаправленный характер. «Лингвистический поворот» в языкознании буквально произвел взрыв в теориях коммуникации. Прагматика дискурса и фреймов, естественной логики и «иллюкативного самоубийства» [Vendler, 1976] восторжествовала. Осталось одно «но» – простой читатель так ничего и не понял. Не из-за того, что кто-то не умеет читать или не способен воспринять излагаемую информацию. Просто есть *что-то*, что ему мешает понять, или сказать так, чтобы его *все* поняли.

Языковое явление, которое я хочу осветить, не имеет общепринятого наименования. Более того, оно вписывается в два ряда лингвистических наименований. С одной стороны – в ряд имен фактов языка, речи, коммуникации. В этом случае, в соответствии с русской филологической традицией, по этой линии его можно обозначить термином «категория». С другой стороны, оно входит в ряд имен наук, научных дисциплин.

В книге «Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермас ввел ряд фундаментальных положений, которые крайне важны для моих последующих рассуждений [Habermas, 1981]. Центром усилий Ю. Хабермаса стало различие и, можно сказать, противопоставление *инструментального* и *коммуникативного* действия. Воплощением инструментального действия Ю. Хабермас считает сферу труда. Это действие упорядочивается согласно правилам, которые основываются на эмпирическом знании. При совершении инструментального действия реализуются – в соответствии с критериями эффективности, контроля над действительностью – определенные цели, осуществляются предсказания, касающиеся последствий данного действия. Под коммуникативным действием Ю. Хабермас уже в работах 60-х годов понимает такое взаимодействие, по крайней мере, двух индивидов, которое упорядочивается согласно *нормам*, принимаемым за *обязательные*. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное действие – на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус. Это согласие относительно ситуации и ожидаемых следствий основано, скорее, на убе-

ждении, чем на принуждении. Оно предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание.

Понятие коммуникативного действия требует, чтобы действующие лица (Aktoren) были рассмотрены, как говорящие и слушающие субъекты, которые связаны какими-либо отношениями с «объективным, социальным или субъективным миром», а одновременно выдвигают определенные притязания на значимость (Geltungsansprüche) того, о чем они говорят, думают, в чем они убеждены. Поэтому отношение отдельных субъектов к миру всегда опосредованы – и релятивированы – возможностями коммуникации с другими людьми, а также их спорами и способностью прийти к согласию. При этом действующее лицо может выдвигать такие претензии: его высказывание *истинно* (*wahr*), оно *правильно* (*richtig* – легитимно в свете определенного нормативного контекста) или *правдоподобно* (*wahrhaft* – когда намерение говорящего адекватно выражено в высказывании).

Отсюда вытекает самое важное – стремление коммуниканта *градуировать* смысл высказывания. Данная тенденция, конечно, не могла не остаться незамеченной со стороны прагматиков, лексикологов, да и просто со стороны простого обывателя, включенного в процесс коммуникативного «разобщения». Сложившаяся ситуация не заставила себя долго ждать, породив новый лингвистический термин «hedging» или «Hecke». Это понятие появилось сравнительно недавно в английском, а затем и в немецком языках, однако тут же стало стремительно развиваться в прагматическом и дискурсивном аспектах. Сразу оговорюсь, что в русском языке аналога данному явлению пока не находится. Предлагаются понятия «разобщения», «неявное, не прямое говорение», «отгораживание». Поэтому я буду исходить в своих дальнейших рассуждениях, используя термин «hedging (Hecke)».

При первом знакомстве с явлением «hedging (Hecke)» возникают ассоциации, далекие от лингвистики, хотя метафорически схожие. «Hedging (Hecke)» трактуется, согласно словарной статье англо-русского, немецко-русского словарей как «живая изгородь, которая могла разделять участки земли или поля». В лингвистике же понятие «hedging» ассоциируется с «дистанцированием», языковым феноменом, сдержанностью, вежливостью. «To hedge» значит:

- 1) уменьшить ответственность за достоверность высказывания;
- 2) изменить достоверность или весомость данной информации.

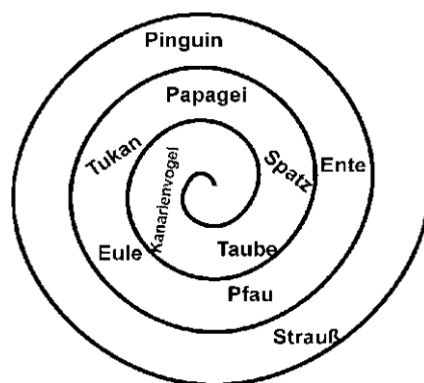
Если человек отгораживается, уходя от чего-то неприятного, что могло бы задеть его, он предпринимает действие, которое защитило бы его. Уходя от вопроса, он избегает прямого ответа или принимает на себя обязательства к особому действию или решению [Collins, 1987]. Это описание «hedging» свидетельствует о том, что, будучи лингвистическим термином, оно может быть использовано для выбора определенной коммуникативной стратегии. Можно также обнаружить некоторое сходство между концептуальной (логической) и социальной трактовкой этого термина.

Категория не прямой коммуникации делает отсутствие точности и однозначности языкового знака, как в тексте, так и в системе, непредсказуемость результирующего смысла высказывания, обусловленного недостаточной формализованностью языковой системы и человеческим фактором [Дементьев, 2006, с. 376].

Трактовка концептов в повседневной коммуникации требует использования стратегии «hedging (Hecke)», т.к. концепты инициируют сходные образы в человеческом мышлении, которые делают необходимым фиксацию их менее сходных представителей. Таким образом, мы обращаемся к менее сходному представителю класса. Поэтому, напр., такое предложение, как «A penguin is a sort of a bird» приемлемо, а «A raven is a sort of a bird» – нет. Здесь мы имеем дело с первообразной семантикой, с прототипами-инструментами, с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью [Verschuere, 1987, с. 47–48]. От фундаментального значения в когнитивной семантике переходим, таким образом, к *категоризации*. Принадлежность экземпляра

ра к категории устанавливается не аналитически, а синтетически (холистически) при сравнении с прототипом. Напр., возьмем все то же слово *птица*.

Аналитический процесс, с помощью признаков, как я полагаю возможным, исходя из структурной семантики, дал бы, например, следующее определение *птицы* в словаре: *двуногое позвоночное животное с клювом, двумя крыльями и покрытым перьями телом, которое может летать*. В противоположность этому используют холистическую (от англ. holism – рассмотрение природы как «иерархии целостностей», понимаемых как духовные единства, принцип подчинения части целому) классификацию при сравнении с прототипом в когнитивной семантике. При этом при экспериментах выясняется, что не все виды птиц соответствуют представителю категории *птица*. В центре находятся так называемые первообразные птицы, на окраине – менее типичные представители видов.

Это частотные случаи в не прямой коммуникации «hedging (Hecke)». Но они, на наш взгляд, не вызывают особой неопределенности или двойственности суждения, так как за каждым классом явлений стоит первообраз, от которого отталкивается интерпретатор, и не важно, может ли пингвин или страус летать. Важно то, что это – птица, а не предмет или пресмыкающееся. Следовательно, первообразная семантика не претендует на бесспорное главенствующее место в моем последующем списке.

Намного важнее здесь разобраться с самим понятием «неопределенность», которое имплицитно входит в компонент «hedging (Hecke)», из-за чего, собственно говоря, и возникает парадокс недопонимания. Распределение семантической неопределенности можно, в простом виде, представить так:

собственно неопределенность: имеется большое, не точно определимое, возможно бесконечное число значений;

многозначность (двусмысленность): имеется ограниченное, но не всегда точно определимое число значений;

полисемия: у лексемы есть несколько значений; между этими значениями связь существует синхронно;

омонимия: две (или больше) лексемы имеют ту же самую форму, но их значения не связаны ничем друг с другом;

стилистические фигуры.

Таким образом, не прямая коммуникация «hedging (Hecke)» представляет собой конгломерат понятий, представлений и лингвистических явлений. Чтобы выявить «чистую» форму не прямой коммуникации, следует обозначить более или менее ограниченный список тех явлений, которые непосредственно составляют наибольший удельный вес в «hedging (Hecke)».

Явления первого порядка я назову *конструктами коммуникативного «отгораживания»*:

эпистемическая модальность [Palmer, 1979];
downtoners [Blum-Kulka, House, Kasper, 1989, p. 1–34];
plausibility shields [Prince, 1982, p. 83–97];
detensifiers [Hübler, 1983];
vagueness (Vagheit) [Von Hahn, 1983] или неопределенность;
disjuncts [Quirk, 1985];
degree of liability evidential [Chafe, 1986, p. 261–272] или степень обязательной очевидности;
mitigation [Brown & Levinson, 1987] или «смягчение»;
approximators;
intensifiers;
understatement или преуменьшение;
«пустые фильтры, дырки».

Явления второго порядка – *категории коммуникативного «отгораживания»*:

discourse markers [Schiffrin, 1987];
субкатегории позиционного метадискурса [Crismore, 1990, p. 49–59];
расплывчатость само в себе [Clemen, 1997, p. 235–248];
открытая категория [Nikula, 1997, p. 188–207];
полиграмматическое явление [Hyland, 1998].

Явления третьего порядка – *«отгораживание» как особая разновидность коммуникативно-опосредованного разобщения*:

Autorenkommentar;
непрямое говорение [Гоготишвили, 2006];
несобственно-прямая речь (НПР).

В многообразии представленных явлений легко запутаться, тем более что у них нет четких границ не только в определении, но даже при переводе. Они настолько нагружены, что представляют собой нечто сборное, подобно матрешке. В западной литературе буквально царит хаос в отношении того, что же есть собственно «hedging (Hecke)». Вышеизложенные категории – тому наглядный пример. Не справляясь с подобной проблемой, лингвисты пытаются привлечь к решению этого парадокса математический аппарат, который, вместо того чтобы как-то прояснить ситуацию, в конечном итоге, заводит их в бесконечнозначную логику. Я же буду исходить с позиции культурологической, социальной.

Во-первых, «hedging (Hecke)», представляя концепт, отталкивается от той культуры, в которой он непосредственно представлен. А одни и те же концепты, как известно, вызывают разные ассоциации в разных культурах. Многие из них, кроме того, могут быть универсальными, а многие – присущи только единичным представителям всего социокультурного пространства. Во-вторых, было замечено, что «hedging (Hecke)» доминирует в речи женщин, нежели мужчин, т.е. здесь отмечается гендерное различие. В-третьих, к использованию «hedging (Hecke)» больше прибегают низшие слои общества; отмечается различие речи подчиненного и начальника, т.е. налицо социальная детерминанта.

Наконец, чтобы отделить социальную трактовку «hedging (Hecke)» от лингвистической, я вывожу два определения, взаимно дополняющие друг друга, но представляющие разные подходы.

С лингвистической точки зрения, под непрямой коммуникацией («hedging, Hecke») я понимаю языковые единства, которые видоизменяют предикацию по степени достоверности или, согласно соответствующей действительности, могут

быть интерпретированы как операторы, которые усиливают или смягчают неопределенность языкового концепта, на который они направлены.

С позиции культурологии, социолингвистики я вижу в непрямой коммуникации такое говорение, которое одновременно входя во все области дискурсивного пространства, подчеркивает своеобразный, присущ только данному индивиду способ говорения, так называемый «идиолект в себе». Такой язык тогда можно использовать для выражения каких-либо ценностей, не являющихся обычным содержанием языка, напр., духовного мира отдельной личности – писателя. В этом случае, в общий язык вносятся некоторые изменения – употребление одних слов, отказ от других, особое расположение слов во фразе и т.д., результатом чего и будет то, что обычно называется «стиль данного писателя» или «стилистика» [Степанов, 2007, с. 21].

Таким образом, феномен «hedging (Hecke)» стал открытием нового явления как самого языка, так и лингвистических подходов к нему, отражающим социокультурные детерминанты общества и межличностные характеристики отдельно взятых индивидов в процессе их коммуникативного общения.

Литература

- Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение. М., 2006.
Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006.
Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 2007.
Blum-Kulka Sh., House J. and Kasper G. Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An introductory overview. Norwood, 1989.
Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge, 1987.
Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. Norwood, 1986.
Clemen G. The Concept of Hedging-Origins, Approaches and Definitions. Berlin, 1997.
Collins H. Collins Cobuild English Language Dictionary. London, 1987.
Crismore A. and Kopple V. Rhetorical Contexts and Hedges. Rhetoric Society Quarterly 20/1. Berlin, New York, 1990.
Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1–2. Fr./M., 1981.
Hahn W. Fachkommunikation: Entwicklung, Linguistische Konzepte, Betriebliche Beispiele. Berlin, New York, 1983.
Hübler A. Understatement and Hedges in English. Pragmatics and Beyond, IV: 6. Amsterdam, 1983.
Hyland K. Hedging in Scientific Research Articles. Pragmatics and Beyond, 54. Amsterdam, Philadelphia, 1998.
Nikula T. Interlanguage View on Hedging. Markkanen, R. / Schroder H. (eds.) // Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin, 1997.
Palmer F. Modality and English Modals. London: Longman, 1979.
Prince E., Frader J. and Bosk Ch. On Hedging in Physician-Physician Discourse. Norwood, 1982.
Quirk R. A Grammar of Contemporary English. London, 1972.
Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, 1991.
Vendler Z. Illocutionary suicide. Yale University Press, 1976.
Verschuere J. Metapragmatics and universals of linguistic action // Linguistic action: Some empirical-conceptual studies. Norwood, 1987.